

RU

Религиозно-гуманистическая лексика как семантико-функциональный компонент конструкта исторической ментальности в философских текстах Н. А. Бердяева

Ма Линь

Аннотация. Цель исследования – выявление семантико-функциональных характеристик лексики, отражающей религиозно-гуманистическое содержание в конструктах исторической ментальности текстов Н. А. Бердяева. В статье рассматриваются лексические маркеры религиозно-гуманистического содержания: религиозные термины, антропологические номинации, этико-оценочные лексемы, метафорические и образные реализации, библейские аллюзии и цитаты. Особое внимание уделяется описанию их семантико-функциональных характеристик, а также определению роли этих маркеров в конструировании исторической ментальности. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале философских трудов Бердяева сформирован и систематизирован корпус религиозно-гуманистической лексики, используемой философом в своих трудах, с выделением тематических групп и ключевых маркеров, задающих смысловую организацию историко-ментальной картины. В результате исследования установлено, что религиозно-гуманистическая лексика в конструктах исторической ментальности Бердяева выступает не только важным элементом идиостиля, но и системообразующим компонентом, который задает семантические координаты восприятия истории и человека в историческом процессе. Такая лексика выполняет многоплановые функции: она насыщает высказывание метафизическим и нравственным смыслом, формирует телеологическую перспективу исторического развития, персонифицирует историю через антропологические номинации и осуществляет нормативную оценку поступков и явлений.

EN

Religious-humanistic vocabulary as a semantic-functional component of the construct of historical mentality in N. A. Berdyaev's philosophical texts

Lin Ma

Abstract. The purpose of the study is to identify the semantic-functional characteristics of vocabulary reflecting religious-humanistic content within the constructs of historical mentality in N. A. Berdyaev's texts. The article examines lexical markers of religious-humanistic content: religious terms, anthropological nominations, ethical-evaluative lexemes, metaphorical and figurative representations, biblical allusions, and quotes. Special attention is paid to describing their semantic-functional characteristics, as well as to determining the role of these markers in constructing historical mentality. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, based on the material of Berdyaev's philosophical works, a corpus of religious-humanistic vocabulary used by the philosopher in his writings has been formed and systematized, with the identification of thematic groups and key markers that define the semantic organization of the historical-mental landscape. As a result of the study, it was established that religious-humanistic vocabulary in Berdyaev's constructs of historical mentality acts not only as an important element of his individual style but also as a system-forming component that sets the semantic coordinates for the perception of history and humanity within the historical process. Such vocabulary performs multifaceted functions: it imbues the utterance with metaphysical and moral meaning, shapes a teleological perspective of historical development, personifies history through anthropological nominations, and carries out a normative evaluation of actions and phenomena.

Введение

Актуальность исследования обусловлена как научной важностью самого феномена религиозно-гуманистической лексики в философских трудах Н. А. Бердяева, так и широтой его прикладных и методологических возможностей. Изучение семантико-функциональных характеристик такой лексики необходимо для более глубокого понимания того, как в языке философа конструируется историческая ментальность, каким образом через языковые средства задаётся смысловая архитектура исторического и антропологического восприятия. Это также важно для реконструкции интеллектуальной традиции русской религиозной философии и для сопоставления её с современными теориями исторического сознания, дискурсивного анализа и культурной памяти (Стаськевич, 2024; Хамидулин, 2024). Нарастающий интерес к проблематике исторического смысла и к лингвистическим средствам его репрезентации в условиях современных гуманитарных исследований делает актуальным комплексный лексико-семантический и прагматический подход к трудам Бердяева, поскольку он дает возможность выявить механизмы смыслообразования, нормативного оценивания и персонификации истории.

Кроме того, актуальность исследования определяется необходимостью более детального изучения лексики религиозно-гуманистического поля у Бердяева, поскольку она служит мостом между богословско-философской традицией и светской гуманитарной рефлексией, что делает её ценным материалом для междисциплинарных исследований (Ковалева, Телегин, 2018; Стародубцева, 2013). В условиях возрождающегося интереса к вопросам идентичности, исторической памяти и сакрализации общественного дискурса детальное изучение этих языковых средств позволяет проследить механизмы переноса метафизических моделей в сферу исторического знания и общественной оценки прошлого. Понимание того, как через словесные маркеры формируется телеологический и нормативный образ истории, способствует более тонкой критике идеологизированных нарративов и уточнению границ между философской аргументацией и риторикой убеждения (Стародубец, 2000). Современные социокультурные трансформации и политизация исторического дискурса обуславливают необходимость систематического лингвистического анализа устойчивых языковых стратегий и концептуальных метафор. В исследовании делается попытка заполнить методологический пробел в описании религиозно-гуманистической лексики у Бердяева, выработать критерии её идентификации и показать её роль в формировании нормативных исторических нарративов, что важно для критической риторики и прикладной лингвистики. В результате в работе предлагаются инструменты для более обоснованной интерпретации философских текстов и для противодействия идеологизированным искажениям исторической памяти.

Все вышеизложенное и обусловило необходимость выявления семантико-функциональных характеристик лексики, отражающей религиозно-гуманистическое содержание в конструктах исторической ментальности текстов Бердяева, что, в свою очередь, определило цель исследования, для достижения которой необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать лексические маркеры религиозно-гуманистического содержания в корпусе текстов Н. А. Бердяева;
- изучить семантико-функциональные характеристики религиозно-гуманистических маркеров, играющие ключевую роль при конструировании исторической ментальности в текстах философа.

Для выявления семантико-функциональных характеристик лексики, отражающей религиозно-гуманистическое содержание в конструктах исторической ментальности текстов Бердяева, в статье применяются методы комплексного лингвистического и прагматико-дискурсивного анализа, обеспечивающие всестороннее рассмотрение выявленной лексики в языковом и культурно-историческом контексте, сравнительно-сопоставительный метод, включая когнитивно-семантический и контекстный анализ (для установления их лексико-семантической структуры, функциональной типологии, а также коммуникативной роли в тексте).

Материалом для исследования послужила лексика, отражающая религиозно-гуманистическое содержание в конструктах исторической ментальности Н. А. Бердяева (217 единиц), выявленная методом сплошной выборки из его философских трудов: «Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.» (2008), «Самопознание: сборник» (1991), «Смысл истории: Новое Средневековье» (2002), «Философия свободы. Смысл творчества» (1989), «Философия творчества, культуры и искусства» (1994), «Царство духа и царство кесаря» (1995).

Теоретическую базу исследования составляют работы в области теории лексико-семантического поля, когнитивной лингвистики и дискурс-анализа (Апресян, 2006; Дейк, 2013; Лакофф, Джонсон, 2004; Талми, 2024; Langacker, 2009), а также исторической семантики и культурно-семиотических подходов к изучению текста и интеллектуальных традиций (Бахтин, 1979; Лотман, 1996; Потебня, 2007; Успенский, 1996), в том числе в контексте трудов Бердяева (Головкин, 2011; Зимовец, 2010; Пуляева, 2007; Хилько, 2010).

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его материалов в вузах гуманитарного направления при проведении спецкурсов и спецсеминаров по лексикологии и семантике русского языка (анализ религиозно-гуманистической лексики как пример тематической группировки и семантической деривации); стилистике русского языка и стилистическому анализу публицистико-философских текстов (разбор идиостиля, средств экспрессии и образности у Бердяева); дискурсивному анализу и теории текста (исследование ролей маркеров в конструировании историко-ментальной картины и текстовой когерентности); когнитивной лингвистике и метафорическому моделированию (анализ метафорических реализаций религиозно-гуманистических концептов).

Кроме того, полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по лексикографии и терминологии (создание словарных статей и глоссариев религиозно-гуманистической лексики); прагматике и риторике (анализ коммуникативных стратегий и аргументации в публицистико-философских текстах); текстологии и истории языка (исследование лексико-семантических изменений религиозной лексики в динамике).

Обсуждение и результаты

В ходе исследования философских трудов Н. А. Бердяева (1989; 1991; 1994; 1995; 2002; 2008) было установлено, что религиозно-гуманистическая лексика у автора образует сложную, взаимосвязанную систему смысловых и прагматических маркеров, пронизывающих как теоретические построения, так и экспрессивно-оценочные фрагменты текста. Анализ выявленных единиц показал, что центр этой системы составляют слова и словосочетания, обозначающие сакральное и спасительное начало: они функционируют не только как тематические ярлыки, но и как семантические «оси», вокруг которых строятся антропологические и этико-оценочные смыслы. В текстах Бердяева религиозная лексика выступает как сложный философский инструмент, с помощью которого философ конструирует образ человека и смысла его бытия. Все это позволяет выделить ряд групп **лексических маркеров религиозно-гуманистического содержания** в корпусе текстов Н. А. Бердяева:

1. Религиозные термины (*Бог, бытие, Творец, спасение, грех, провидение*)

В трудах Бердяева подобные единицы выступают в качестве семантических центров философской аргументации. Они выполняют несколько ключевых функций: формируют онтологическую основу размышлений (*«Божество есть абсолютное, полное бытие, сущий субъект всякого бытия, положительное всеединство»* (Бердяев, 1989, с. 376)), задают телос и смысловое направление антропологических построений (спасение как экзистенциальное оздоровление личности), служат критерием нравственной оценки и диагностики человеческого состояния (*грех как утрата подлинной свободы* (Бердяев, 1991)), а также моделируют отношение времени и истории к божественному провидению. Вариативность употребления терминов (метафоризация, амплификация через словосочетания, переносный философский смысл) позволяет превращать религиозно-теологические обозначения в инструменты философского анализа и ценностной аргументации, интегрируя их в систему гуманистических смыслов.

2. Антропологические номинации (*личность, душа, достоинство*)

Религиозная терминология у Бердяева переплетена с антропологическими номинациями: обозначения *личности, души, человеческого достоинства* входят в синтаксические и семантические связи с понятиями, указывающими на трансцендентность и спасение: *«Добрые дела», которые совершаются не из любви к людям и не из заботы о них, а для спасения собственной души, совсем не добрые»* (1991, с. 117). При этом номинации человека выполняют двойную функцию: с одной стороны, они обозначают эмпирически-социальный субъект, с другой – становятся носителями экзистенциальной и духовной повестки, через них философ формулирует представление о внутренней свободе, ответственности и призвании личности. В таких фрагментах интерес представляет не столько частотность отдельных слов, сколько их способность создавать сеть референтных связей, в которой антропологическое слово приобретает сакрально-гуманистический оттенок.

3. Метафорические и образные реализации (*восход, падение, освящение*)

Такого рода лексические единицы представляют собой мощный механизм смыслообразования: движения вверх и вниз, акты восхождения и падения, мотивы освящения и очищения выступают у философа как концептуальные схемы, через которые осмысляются процессы духовного становления и деградации (*«Сверхъестественное оказывается в одной восходящей линии с естественным, есть также естественное, но на высшей ступени, на безмерной высоте»; «Грехопадение есть событие мира духовного. В этом смысле оно предмирно, оно совершалось до времени и породило наше дурное время»* (Бердяев, 1989, с. 26–27)). Подобные метафоры не носят декоративного характера; они структурируют аргументацию, задают перспективу оценки исторических и личностных событий и часто служат переходом от теоретического рассуждения к художественно-экзистенциальной интонации. Особое место занимают метафоры, трансформирующие богословские понятия в философские категории (*поднятия к вершинам истины, пути духовного восхождения, утрата света и гармонии, восхождение к высшему состоянию, утрата божественной благодати*), благодаря чему религия и гуманизм взаимно обогащают друг друга в тексте.

4. Библийские аллюзии и цитаты (*образ Божий, Каин и Абель, Христос как творческая Личность и Спаситель, Апостол Павел и проблема плоти и духа*)

Такие единицы у Бердяева чаще реализуются через интертекстуальные намёки и тематические связи, нежели через прямые вставки священных писаний: *«Христос явился в мир как оправдание творения, как смысл, Логос творения. Христос – предвечный Сын Бога – усыновил человека Богу, усыновил все творение, возвратил к Творцу Своей искупительной жертвой»* (Бердяев, 1989, с. 193). Переосмысленные библийские мотивы функционируют как культурные координаты, позволяющие философу ориентироваться в коллективной памяти и одновременно переосмысливать классические религиозные сюжеты в свете своей философской антропологии. Подобная интертекстуальность создаёт эффект глубинного смысла и легитимирует философские тезисы через апелляцию к традиции.

5. Этико-оценочные лексемы (*добро, зло, справедливость, совесть, стыд*)

Этико-оценочные лексемы в трудах философа редко ограничиваются абстрактной номинацией; они вовлечены в аргументационные модели, где моральные категории служат критерием онтологических и социально-практических выводов: *«Через духовное в себе начало человек не подчинен природе и независим от нее, хотя*

природные силы могут его убить. Если бы человек был исключительно природным и конечным существом, то смерть его не заключала бы в себе ничего трагического, трагична лишь смерть бессмертного существа, устремленного к бесконечному. Только извне, из объекта человек есть часть природы, изнутри, из духа – природа в нем» (Бердяев, 1995, с. 306). Значимая часть таких маркеров работает в предикативных позициях, модифицирует оценки состояния общества и личности, участвует в апелляции к ответственности как к нравственно-му и экзистенциальному требованию (*моральная ответственность, духовная свобода, социальная справедливость, нравственный выбор*). В текстах Бердяева такие единицы зачастую сопровождаются модальными и эвфемистическими средствами, что придаёт им нормативную силу, а также риторическую направленность.

6. Лексика миссионерского и апологетического плана (*миссия, апология, проповедь, служение*)

Такие единицы проявляют себя в риторике убеждения и защиты авторских идей. В отдельных контекстах она направлена на отстаивание ценностных оснований, на построение аргументации в диалоге с оппонентами и на мобилизацию читательского сознания (*«Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе. И справедливость мировых задач России предопределена уже духовными силами истории»* (Бердяев, 2008, с. 137)). При этом апологетическая лексика органично смешивается с философской аргументацией: вербальные маркеры веры используются как основания для онтологических и этических выводов, а миссионерская интонация превращается в этический призыв к преобразованию личности и общества.

В совокупности анализ показал, что лексические маркеры религиозно-гуманистического содержания в трудах Бердяева выполняют интегративную функцию: они обеспечивают связность философской системы, выступают инструментом этической регуляции, обеспечивают художественную насыщенность и межтекстовую связь с религиозной традицией. Это позволяет говорить о коммуникативно-прагматических стратегиях, которые дают философу возможность обозначить религиозно-гуманистические маркеры как онтологические показатели, этические регуляторы и стилистические средства авторизации его тезисов. Данные единицы не просто наполняют текст богословским содержанием, но и моделируют само представление о человеке как свободном, духовно-ответственном существе, взаимодействующем с Богом, миром и историей. При этом нами было установлено, что ключевые **семантико-функциональные характеристики религиозно-гуманистических маркеров** связаны со следующими аспектами:

- во-первых, эти маркеры несут нормативно-оценочную нагрузку – они не только называют, но и предписывают, задают этические ориентиры;
- во-вторых, они обладают полисемией: одни и те же лексические единицы выступают и как богословские термины, и как обозначения человеческих сущностей и состояний;
- в-третьих, работают как точки связи с религиозно-философским дискурсом, обеспечивая цитируемость и контекстуальную присоединённость к традиции;
- в-четвертых, активны на уровне тропов: образность и метафоричность дают возможность для множественной интерпретации и формируют звуковое/смысловое многоголосье текста.

В контексте конструирования исторической ментальности эти элементы выполняют функцию операторов смысловой трансляции. Они переводят частный опыт и литературные фигуры в общекультурные коды, формируют представления о том, что считать исторически важным, допустимым или должным, о чем и сам философ отмечал: *«История лишь в том случае имеет смысл, если будет конец истории, если будет в конце воскресение, если встанут мертвецы с кладбища мировой истории и постигнут всем существом своим, почему истлели, почему страдали в жизни, и чего заслужили в вечности, если весь хронологический ряд истории вытянулся в одну линию и для всего найдётся окончательное место. Вопрос о смысле истории и есть вопрос о происхождении зла в мире, о предмирном падении и об искушении»* (Бердяев, 1989, с. 212). Через апелляцию к трансцендентным основаниям маркеры легитимируют инструментарием оценки прошлых событий и ориентируют представление о будущем. То есть язык Бердяева не просто фиксирует исторические факты – он активизирует нравственные и временные рамки, воспроизводя и перестраивая коллективное историческое воображение.

Для Бердяева творчество не сводится к эстетическому феномену; оно становится онтологическим жестом, способом сопротивления историческому оскудению смысла, и в целом тема о всемирно-исторической судьбе человека есть *«тема об освобождении творящего человека из недр природной необходимости, из этой природной зависимости и порабождённости низшими стихийными началами»* (2002, с. 87). В его трудах язык постоянно стремится к трансцендентной опоре, и вследствие этого художественное высказывание превращается в метод познания бытия. Метафоры и апокалиптические образы у философа служат рабочими инструментами, с помощью которых эстетика проникает в нравственную ткань времени и выявляет те скрытые основания, которые формируют коллективное восприятие прошлого и будущего.

Особое место в его системе занимает идея творчества как участия в божественной свободе: художественное и нравственное творчество – это не просто реакция на мир, а созидательное начало, способное проломить замкнутые круги силы и насилия, вернуть истории её открытый конец. Именно поэтому критика тоталитарных и детерминистских схем становится не столько политическим манифестом, сколько экзистенциальным предупреждением: лишая человека свободы творить и отвечать, идеологии лишают мир перспективы воскресения смысла (Бердяев, 1989; 1991; 2008). Композиция и стилистика Бердяева отвечают той же задаче: сочетание страстного монолога и философского рассуждения создает эффект присутствия, при котором читатель вовлекается в переживание истории как личного испытания и одновременно как судебного процесса. Он настаивает на личности как на субъекте, способном к свободному творчеству; потому у него любое историческое событие рассматривается через призму духовного самоопределения человека и народа. Это придает его концепции истории не абстрактную телеологию, а тесную этическую драму, в которой каждый акт имеет значение для вечности.

Соответственно, религиозно-гуманистическая лексика в трудах Бердяева становится своеобразным инструментом конституирования исторического сознания: через выбор лексических единиц и их коллокаций формируются когнитивные схемы допустимого и должного, маркируются оценки вины и искупления, задаются семантические рамки смысла страдания и ожидания восстановления. Анализ прагматики высказываний показывает, что модальные и оценочные маркеры, пресуппозиции и актантные конструкции «программируют» интерпретацию событий и персонализацию исторических акторов, тогда как повествовательная перспектива и дейктические средства фиксируют направленность времени и цель повествования. Семантическая просодия, метафорика спасения и религиозные концепты выполняют нормативную перформативную функцию: язык не только именуется прошлое, но и через структуру высказывания предписывает к нему отношение, проецирует перспективу прочтения и конструирует ожидаемую траекторию репрезентации будущего.

Заключение

Таким образом, мы приходим к ряду выводов. Во-первых, установлено, что религиозно-гуманистические маркеры пронизывают язык Бердяева и выступают объединяющим принципом его дискурса: различные пласты религиозной, антропологической и этической лексики органично сплетаются с метафорикой и библейскими мотивами, выстраивая выразительную и аргументативную стратегии, направленные на утверждение духовной автономии личности и оправдание нравственных ориентиров. В итоге язык философа не просто фиксирует религиозные идеи, он их воплощает и конституирует через образы и риторику в целостную модель человека и общества, ориентированную на духовное преображение. При этом выявленные лексические единицы выступают не только как словарный фонд, но и как конструктивные элементы смыслообразования, через них формируется авторская позиция, осуществляется обращение к читательскому опыту и выстраивается нравственно-онтологическая картина мира. Внутренняя взаимосвязь религиозной и гуманистической лексики создает динамику текста, где метафора, аллюзия и терминологический ряд поддерживают диалог с традицией и одновременно открывают пространство для новаторской интерпретации личности и ее призвания.

Во-вторых, мы определили, что семантико-функциональная природа религиозно-гуманистических маркеров у Бердяева проявляется в их многослойной значимости и активной прагматике: они одновременно обозначают теологические и антропологические концепты, несут оценочно-нормативную нагрузку, запускают метафорические полифонии и служат звеньями межтекстуальных связей с библейской и философской традицией, что делает их не просто референтами, но инструментами смыслообразования и риторического выражения. В процессе конституирования исторической ментальности эти маркеры функционируют как код, который переводит индивидуальный опыт в коллективные координаты значения, легитимизирует определённые представления о прошлом и будущем, формирует нормативную перспективу оценки исторических событий, обеспечивает преемственность культурных смыслов через обращение к трансцендентным основам. В результате язык творчества Бердяева выступает не нейтральным зеркалом действительности, а отражением процесса формирования исторического воображения, воспроизводящего и одновременно преобразующего ментальные рамки времени и ответственности.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать углублённый корпусный анализ, сочетающий количественные методы с качественной контекстуальной интерпретацией, что позволит точнее отразить частотные и прагматические характеристики религиозно-гуманистической лексики у Бердяева и выявить её функциональные вариации в различных периодах творчества. Перспективным направлением также является сопоставительное исследование языка Бердяева в парадигме русской религиозной философии и европейских гуманистических традиций, которое прояснит возможности заимствований, трансформаций и уникальных авторских решений.

Материалы исследования | Research materials

1. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. СПб.: Азбука-классика, 2008.
2. Бердяев Н. А. Самопознание: сборник / сост., авт. вступ. ст. А. А. Ермичев. Л.: Лениздат, 1991.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории: Новое Средневековье. М.: Канон+; ОИ «Реабилитация», 2002.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова. М.: Правда, 1989.
5. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / вступ. ст., сост., примеч. Р. А. Гальцевой. М.: Искусство; ИЧП «Лига», 1994. Т. 1, 2.
6. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря / сост. П. В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1995.

Источники | References

1. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: сборник избранных трудов / прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979.

3. Головкин Э. П. Н. А. Бердяев о кризисе человека, человечности и природы // Вестник Московского государственного университета леса. 2011. № 2.
4. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. Перверзев, Е. Кожемякин. М.: URSS, 2013.
5. Зимовец Л. Г. Н. А. Бердяев о смысле истории // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 4.
6. Ковалева М. В., Телегин А. А. Н. А. Бердяев: феномен творчества в культуре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 3.
7. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история / предисл. В. В. Иванова. М.: Языки рус. культуры, 1996.
9. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2007.
10. Пуляева О. В. Вопросы смысла истории в философии Н. А. Бердяева // Философия и общество. 2007. № 2 (46).
11. Стародубец С. Н. Идеологизированная лексика как языковое выражение персоналистической картины мира в дискурсе Н. А. Бердяева: автореф. дисс. ... к. филол. н. Орел, 2000.
12. Стародубцева Л. В. Разорванная вечность: парадокс времени в эсхатологической перспективе. Николай Александрович Бердяев / под ред. В. Н. Поруса. М.: РОСПЭН, 2013.
13. Стаськевич С. А. Феномен техники и технологий в контексте философии истории Н. А. Бердяева // Научно-ведческие исследования. 2024. № 2. <https://doi.org/10.31249/scis/2024.02.05>
14. Талми Л. Путь к когнитивной семантике: в 2 т. М.: Изд-во: Директ-Медиа, 2024. Т. 1. Системы концептуального структурирования.
15. Успенский Б. А. Избранные труды: в 3 т. Изд-е 2-е, испр. и перераб. М.: Языки рус. культуры, 1996. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры.
16. Хамидуллин А. М. Философия истории Н. А. Бердяева в контексте memory studies // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2024-4-130-137>
17. Хилько Е. П. Языковая репрезентация национально-культурной специфики в работе Н. А. Бердяева «Русская идея» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 22 (203).
18. Langacker R. W. Investigations in Cognitive Grammar (Cognitive Linguistics Research). Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2009.

Информация об авторах | Author information

Ма Линь¹

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Lin Ma¹

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

¹ 3058832942@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.12.2025; опубликовано online (published online): 29.12.2025.

Ключевые слова (keywords): религиозно-гуманистическая лексика; конструкты исторической ментальности; Н. А. Бердяев; антропологические номинации; religious-humanistic vocabulary; constructs of historical mentality; N. A. Berdyayev; anthropological nominations.